

Большая
Страшная
книга

Франкенштейн

Шагреневая кожа

Странная история
доктора Джекила
мистера Хайда

Портрет
Дориана Грея

Сокровища
господина Арне

Софья Прокофьева

ПО СЛЕДАМ ФРАНКЕНШТЕЙНА

И другие
ужасные
истории

ФРАНКЕНШТЕЙН

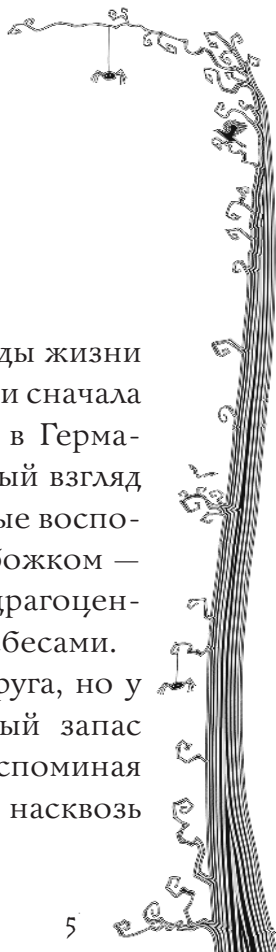
По роману М. Шелли

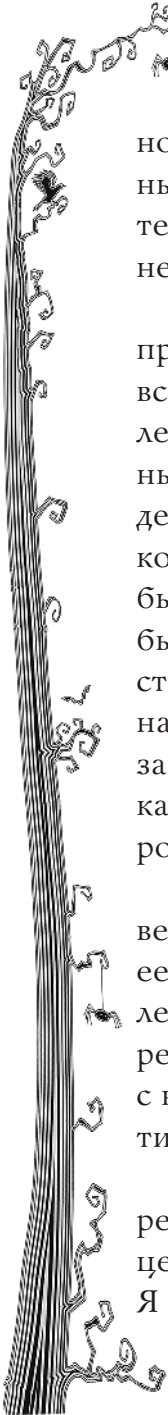

Глава 1

Я родился в Женеве. И первые годы жизни я странствовал вместе с родителями сначала по Италии, потом мы переехали в Германию. Нежные ласки матери, добрый взгляд и улыбки отца — таковы мои первые воспоминания. Я был их игрушкой, их божком — но, вернее, я был их бесценным (драгоценным) ребенком, посланным им Небесами.

Мои родители обожали друг друга, но у них оставался еще неисчерпаемый запас любви, изливавшийся на меня. Вспоминая свое детство, я вижу его как бы насквозь пронизанным солнцем.

Моей матери очень хотелось иметь дочь, но долгое время я оставался их единственным ребенком. Когда семья уже окончательно переехала в Женеву, они провели неделю на берегу озера Комо.

Во время одной из прогулок их внимание привлекла необычайно убогая хижина, где все говорило о крайней нищете ее обитателей. И вот там, окруженную пятью голодными детишками, они увидели маленькую девочку, которая казалась существом какой-то иной породы. Четверо оборвышей были черноглазы и крепки, а эта девочка была тоненькая и белокурая. Волосы из чистого золота венчали ее голову, как корона. У нее был чистый лоб, ясные синие глаза, а лицо такое нежное и прелестное, что, казалось, оно отмечено печатью небесного рождения.

Мать ее умерла при родах, отец моряк не вернулся из дальнего плавания. Крестьяне, ее приемные родители, нежно любили прелестную сиротку. Но, когда мои родители решили ее взять, они быстро договорились с нищими крестьянами, обещав им позаботиться об их мальчуганах.

Вскоре Элизабет, так звали девочку, переехала к нам и стала всеобщей любимицей. Она стала моей обожаемой подругой. Я относился к ней с благоговейной привя-

занностью. Я стал считать Элизабет своей сестрой, порученной мне свыше, чтобы я ее защищал и лелеял.

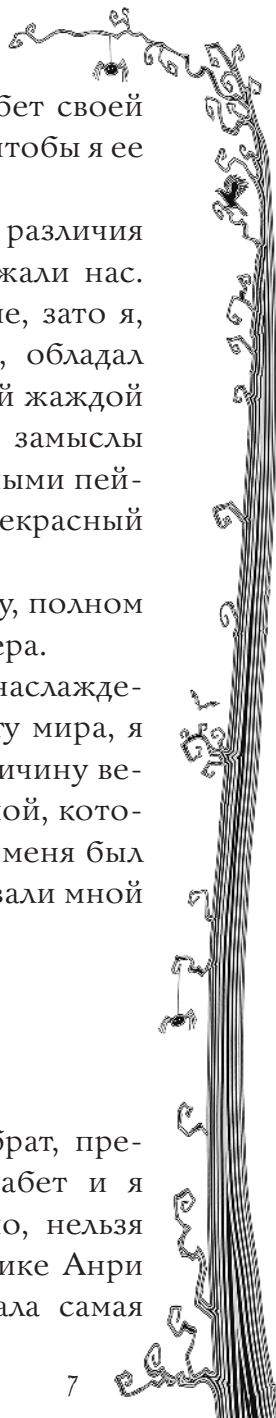
Мы воспитывались вместе, и различия в наших характерах только сближали нас. Элизабет была спокойнее и мягче, зато я, при всей своей необузданности, обладал большим упорством и неутолимой жаждой знаний. Ее пленяли воздушные замыслы поэтов. Она любовалась роскошными пейзажами, окружавшими наш прекрасный швейцарский дом.

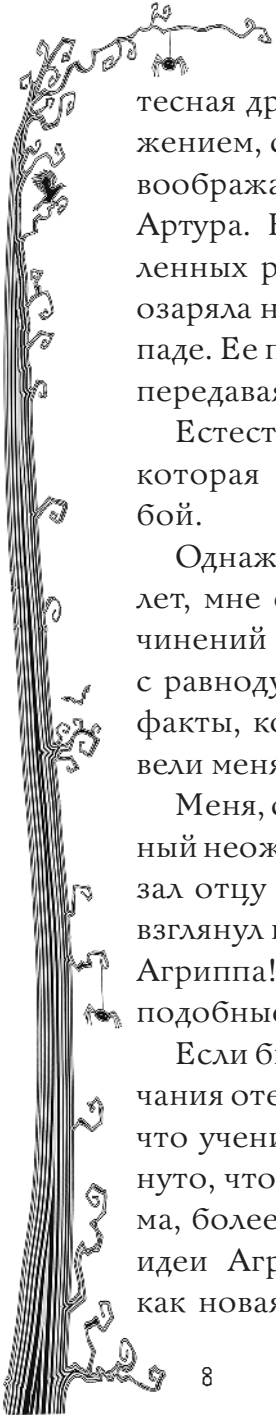
Она казалась принцессой в саду, полном цветов, на берегу прохладного озера.

В то время, как моя подруга с наслаждением созерцала внешнюю красоту мира, я любил исследовать глубинную причину вещей. Мир представлялся мне тайной, которую я стремился постичь. Нрав у меня был буйный, и страсти, порой, овладевали мной всецело.

Глава 2

А вскоре появился и другой брат, прелестный малыш, которого Элизабет и я нежно полюбили. И уж, конечно, нельзя не вспомнить о соседском мальчике Анри Клервале, с которым меня связала самая

тесная дружба. Он обладал живым воображением, сам сочинял героические поэмы, и воображал себя одним из рыцарей короля Артура. Наша жизнь состояла из бесчисленных радостей и увлечений, а Элизабет озаряла наши игры, подобно алтарной лампаде. Ее присутствие смягчало мои порывы, передавая мне частицу ее кротости.

Естествознание — моя пагубная страсть, которая впоследствии стала моей судьбой.

Однажды, когда мне было тринадцать лет, мне случайно попал в руки томик сочинений Корнелия Агриппы. Я открыл его с равнодушием, но теория и удивительные факты, которые он описывал, вскоре привели меня в восхищение.

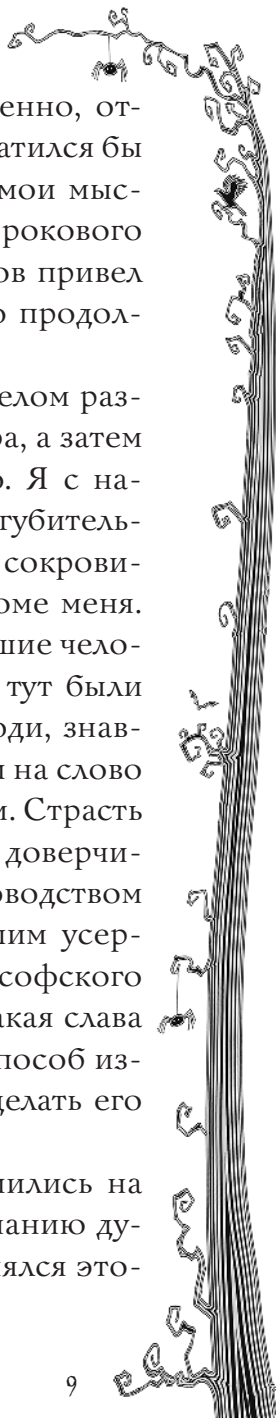
Меня, словно бы, озарил новый свет, полный неожиданности и сокровищ, и я рассказал отцу о своем открытии. Тот небрежно взглянул на заглавие и сказал: «А, Корнелий Агриппа! Милый Виктор, не трать время на подобные пустяки».

Если бы тогда вместо этого беглого замечания отец взял на себя труд объяснить мне, что учение Агриппы полностью опровергнуто, что его сменила новая научная система, более основательная и глубокая, — ибо идеи Агриппы были призрачными, тогда как новая система оказалась реалистичнее

и плодотворнее. Тогда я, несомненно, отверг бы Агриппу и с усердием обратился бы к новым знаниям. Скорее всего, мои мысли никогда не получили бы того рокового импульса, который в конце концов привел меня к гибели. Но я с жадностью продолжил чтение.

Вернувшись домой, я первым делом раздобыл все сочинения моего кумира, а затем Парацельса и Альберта Великого. Я с наслаждением изучал их безумные и губительные вымыслы; они казались мне сокровищами, мало кому известными, кроме меня. Я увидел укрепления, преграждавшие человеку вход в цитадель природы. А тут были книги, проникавшие глубже, и люди, знавшие больше. Я во всем поверил им на слово и сделался их преданным учеником. Страсть исследователя сочеталась у меня с доверчивостью ребенка. И вот, под руководством новых наставников, я с величайшим усердием принялся за поиски философского камня и жизненного эликсира. Какая слава ждала бы меня, если бы я нашел способ избавить человека от болезней и сделать его неуязвимым.

Мои любимые авторы не скупилась на щедрые обещания научить заклинанию духов или дьяволов. Я с жаром принялся этому учиться.

Глава 3

Когда я достиг 17 лет, мои родители решили отправить меня в университет города Ингольштадта. Уже назначен был день отъезда, но прежде, чем он наступил, в моей жизни произошло первое несчастье, словно предвещавшее все дальнейшее.

Моя любимая Элизабет заболела скарлатиной. Она болела так тяжело, что жизнь ее была в опасности. Моя матушка стала ухаживать за больной, и ее неусыпная забота победила смертельный недуг. Элизабет была спасена, но для ее спасительницы эта жертвенная забота оказалась роковой. На третий день моя матушка почувствовала себя плохо, и высокая температура сопровождалась самыми тревожными симптомами. Скоро стало ясно, что болезнь идет к печальному концу.

Но даже на смертном одре она продолжала думать обо мне и Элизабет. «Дети, — сказала она, — я всегда мечтала о вашем союзе. Это мое заветное желание». Это были ее последние слова, и душа ее отлетела.

Мы все были в отчаянии. И не могли примириться, что навеки угасло сияние любимых глаз. Но мы так любили друг друга, что всеми силами старались утешить и под-

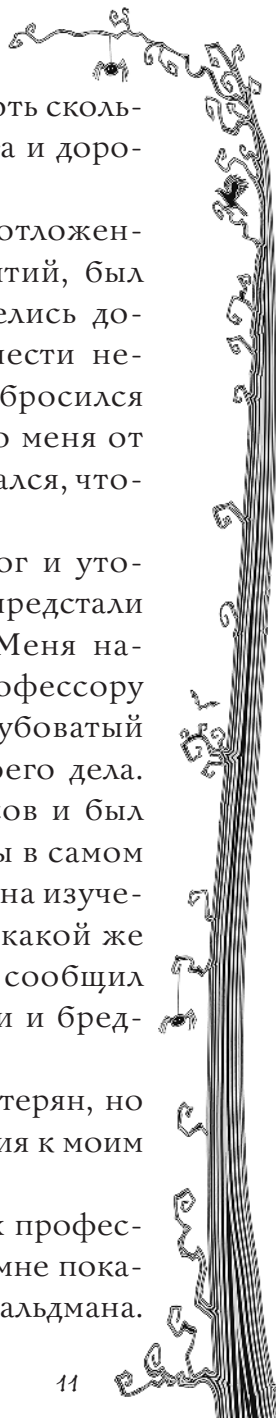
держат нашего старого отца, и хоть сколько-нибудь моего маленького брата и дорогую Элизабет.

Мой отъезд в Ингольштадт, отложенный из-за этих печальных событий, был теперь решен снова. Мы засиделись до поздна, и никто не мог произнести неизбежное слово «Прощай». Я бросился на сидение экипажа, уносившего меня от моих любимых, и с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться.

Путь в Ингольштадт был долог и утомителен. Наконец, моим глазам предстали высокие белые шпили города. Меня направили к господину Кремпе, профессору естественных наук. Это был грубоватый человек, но большой знаток своего дела. Он задал мне несколько вопросов и был поражен моими ответами. «И вы в самом деле потратили столько времени на изучение подобного вздора? Боже! В какой же пустыне вы жили, если никто не сообщил вам, что вы увлеклись выдумками и бреднями?»

Я был, конечно, несколько растерян, но ничто не могло поколебать доверия к моим кумирам.

Я стал посещать лекции других профессоров. Наиболее значительными мне показались исследования господина Вальдмана.

Свою лекцию он начал с обзора истории химии, и сделанных в ней открытий. Но это были все те же, хорошо известные мне, представители науки, которые, надо признаться, в своем роде, совершали истинные чудеса. Они исследовали природу в ее сокровенных тайниках. Они поднимались в небеса, узнали, как движется в нашем теле кровь, и из чего состоит воздух, которым мы дышим. Они повелевали небесным громом, землетрясениями, и, главное, они проникли в тайны невидимого мира.

Таковы были слова профессора, вернее, слова судьбы, произнесенные на мою погибель. Он затрагивал одну за другой сокровенные струны моей души. «Если столько уже сделано, — думал я, — Уверен, я сделаю больше, много больше, и приобщу человечество к глубочайшим тайнам природы».

В тот же день я посетил дом господина Вальдмана. Я сказал, что его лекции во многом уничтожили мое предубеждение, и теперь я во многом принимаю учение современных химиков.

Он провел меня в свою лабораторию и объяснил назначение различных приборов. Он вручил мне также список книг, с которыми, по его мнению, я обязательно должен был ознакомиться.

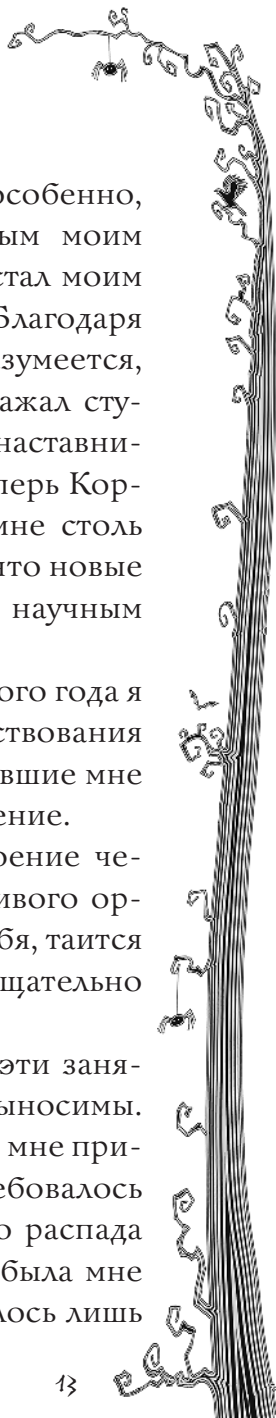
Глава 4

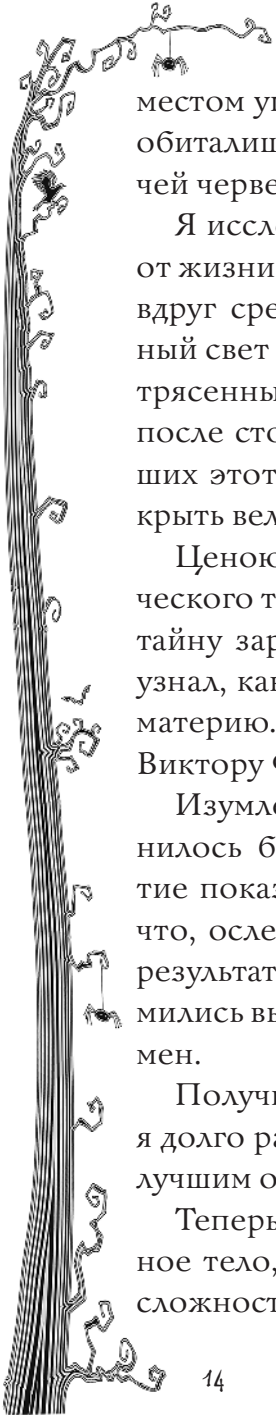
С того дня естествознание и, особенно, химия, стали почти единственным моим увлечением. Господин Вальдман стал моим истинным другом и учителем. Благодаря моему увлечению и упорству я, разумеется, добился немалых успехов. Я поражал студентов своим усердием, а своих наставников — глубокими познаниями. Теперь Корнелий Агриппа уже не казался мне столь уже великим ученым. Я надеялся, что новые знания приведут меня к великим научным открытиям.

И, действительно, к концу второго года я придумал некоторые усовершенствования в химической аппаратуре, завоевавшие мне в университете признание и уважение.

Особенно занимало меня строение человеческого и вообще любого живого организма. Где, часто спрашивал я себя, таится жизненное начало? Я особенно тщательно изучал физиологию.

Если бы не моя одержимость, эти занятия были бы тягостны и почти невыносимы. Для исследования причины жизни мне приходилось обращаться к смерти, требовалось наблюдать процесс естественного распада и гниения тела. Боязнь темноты была мне неведома, а кладбище представлялось лишь

местом упокоения мертвых тел, которые из обиталищ красоты и силы сделались добычей червей.

Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти, и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет — столь ослепительный, что я, потрясенный, мог только удивляться, почему после стольких гениальных людей, изучавших этот предмет, именно мне выпало открыть великую тайну.

Ценою многих дней и ночей нечеловеческого труда и усилий мне удалось постичь тайну зарождения жизни; более того, — я узнал, как самому оживлять безжизненную материю. И это дано было мне, только мне, Виктору Франкенштейну.

Изумление, охватившее меня, скоро сменилось безумным восторгом. Мое открытие показалось мне столь ошеломляющим, что, ослепленный, я видел лишь конечный результат. Я держал в руках то, к чему стремились высочайшие мудрецы от начала времен.

Получив в свои руки безмерную власть, я долго раздумывал, как употребить ее наилучшим образом.

Теперь я знал, как оживить безжизненное тело, но составить такое тело, во всей сложности сочетания нервов, мускулов и

сосудов, оставалось задачей невероятно трудной. Я колебался, создать ли себе подобного или же более простой организм. Но успех настолько вскружил мне голову, что я не сомневался, что сумею вдохнуть жизнь даже в существо столь удивительное и сложное, как человек.

И вот я приступил, наконец, к сотворению человеческого существа. Я решил создать гиганта высокого и мощного сложения. Я думал, как благословит меня множество счастливых созданий, обязанных мне своим рождением.

Теперь мне приходилось рыться в могильной плесени ради оживления мертвой материи. Я собирал кости в склепах, я кощунственной рукой вторгался в сокровеннейшие уголки человеческого тела. Бойня и анатомический театр поставляли мне бóльшую часть материалов, и хотя я часто содрогался от отвращения, но все же вел дело к концу.

Так прошли зима, весна и лето. Но я был так предан своим трудам, что не любовался цветами и свежими листьями. Все, что всегда меня восхищало, теперь стало мне безразлично.

Свою мастерскую я устроил на чердаке, отделенном от всех остальных помещений моего дома, будучи уверен, что никто не

